

© 2014 г.

И.М. НОХРИН

МИГРАЦИЯ ЛОЯЛИСТОВ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КАНАДЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США

Завершение Войны за независимость стало рубежным событием как в истории как США, так и первой Британской империи. Потери английской короны были очень велики, но одна из американских колоний последней, Квебек, всё же осталась под ее властью. Жители Канады в большинстве своем сохранили лояльность метрополии. Сообщение о Парижском мире 1783 г. достигло Квебека только через месяц после его подписания, а первые перемены в жизни канадцев наступили и вовсе лишь год спустя. Они были связаны с массовым притоком с южных территорий беженцев, которые известны в историографии как лоялисты, а в то время официально именовались британским правительством “верными подданными единой империи”.

В зарубежной историографии тема лоялистской миграции долгое время была предметом оживленных дискуссий. В XIX – первой половине XX в. этот вопрос рассматривался в русле национальных политических идеологий, британской, канадской и американской. Первым двум было свойственно героизировать мотивы и верноподданнические устремления мигрантов¹. Последняя же, напротив, весьма скептически оценивала поведение лоялистов и стремилась доказать предельную прагматичность, если даже не эгоистичность их действий. По мере того как “имперская школа” в британской и канадской историографии сдавала позиции, американский подход в целом возобладал, хотя и не без уступок со стороны США.

Пожалуй, наиболее популярная в настоящий момент точка зрения отражена в “Канадской энциклопедии” в статье Б.Дж. Уилсона. В ней выделяется две группы мотивов, которые двигали переселенцами: идейные – верность короне и нежелание жить под властью вчерашних мятежников, и прагматические – потребность в защите от притеснений со стороны недавних врагов, боязнь потерять нажитое имущество, желание сохранить привилегии или определенное положение в обществе, либо просто стремление начать жизнь с чистого листа². Оценивая социальную принадлежность мигрантов, историк справедливо отмечает, что “подавляющее большинство из них нельзя назвать людьми обесчеченными или высокого общественного положения, многие оставались обычными фермерами”.

Нохрин Иван Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Челябинского государственного университета.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-01-00035.

¹ См.: The Centennial of the Settlement of Upper Canada by the United Empire Loyalists, 1784–1884. Toronto, 1885; Harris E. United Empire Loyalists. Toronto, 1897.

² Loyalists. – The Canadian Encyclopedia [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.thecanadianencyclopedia.com/articles/loyalists>

Но вместе с тем Б.Дж. Уилсон, как и многие другие канадские историки, придает лоялистской миграции огромное значение в политической истории Канады. Оно выражалось, по его мнению, в том, что она способствовала “развитию образовательных, религиозных, социальных и государственных институтов”, помогала заложить “консервативные традиции” в канадской общественно-политической жизни и утвердить “плюралистическое и гетерогенное общество... основанное на ценностях эволюционного, а не революционного развития”³. Но требует ответа вопрос о том, каким образом столь небольшое число мигрантов⁴ низкого социального статуса и даже без объединяющей идеологии смогло оказать значимое влияние на развитие незнакомой для них страны с преобладанием иноязычного и иноконфессионального населения? И если согласиться с большинством канадских историков, что главной заботой переселенцев в первые годы пребывания в Канаде было лишь выживание, каким образом им удалось уже менее чем через десятилетие, согласно Конституционному акту 1791 г., получить в распоряжение целую провинцию Верхнюю Канаду – предшественницу современной Онтарио⁵? Дать адекватные ответы на эти вопросы можно только при изучении проблемы лоялистской миграции в общем контексте политики британской колониальной администрации в Квебеке.

Иммигранты из мятежных провинций стали появляться в Канаде уже с начала боевых действий в июне 1774 г. К 1778 г. их насчитывалось уже около 3 тыс. чел., а на момент подписания мирного договора в 1783 г. – порядка 7–8 тыс. Колониальные власти поначалу – рассматривали гостей с юга как временное явление, а потому расселяли их в армейских бараках и снабжали продовольствием за казенный счет, надеясь на скорое избавление от внезапно прибавившихся хлопот⁶. Однако неудачный ход боевых действий, а затем и полное поражение в войне заставили искать новые пути решения проблемы.

На переговорах в Париже американские представители, в том числе Б. Франклин и Дж. Адамс, дали понять, что их правительство не собирается заниматься защитой жизни, имущества или гражданских прав лиц, известных своими симпатиями к властям бывшей метрополии. Максимум, на что они были согласны, это гарантировать “тори” свободу от притеснений со стороны федерального правительства, но не властей или судов отдельных штатов. За последними сохранялось право конфискации имущества или уголовного преследования лоялистов на основании принятых там законов. Известный своими гуманистическими взглядами Б. Франклин на встрече с британской делегацией лишь холодно заявил, что все эти вопросы вообще не являются делом представителей Континентального конгресса⁷.

Строго говоря, и переговорщиками от метрополии двигали не гуманистические соображения, а опасения поставить под удар и без того подорванный престиж английского государства. На глазах у всего мира Великобритания рисковала оказаться не способной ни справиться с мятежниками, ни даже защитить от бунтарей своих верных и законопослушных подданных. По мере нарастания на территории США числа конфискаций имущества и карательных приговоров в отношении лоялистов, мольбы о помощи, тысячами приходившие в Вестминстер, больше нельзя было игнорировать. Единственным вариантом быстрого и сравнительно малозатратного решения проблемы стала идея массового переселения “верных подданных единой империи” в Канаду. Континентальный конгресс без замедления согласился предоставить лоялистам свободный проход

³ Ibidem.

⁴ Общее число переселившихся в Квебек за 1780–1790-х годах лоялистов оценивается в 9,5 тыс. чел., в то время как франкоязычное население колонии к тому моменту более чем в 11 раз превосходило эту цифру, доходя до 110 тыс. чел.

⁵ The United Empire Loyalists. Men and Myths. Toronto, 1967, p. 85.

⁶ Wallace W.S. The United Empire Loyalists: A Chronicle of the Great Migration. Toronto, 2004, p. 40–41.

⁷ Kingsford W. The History of Canada, v. 7. Toronto, 1892, p. 142–143, 164–165.

на север. В обмен Великобритания должна была отказаться от требований компенсаций за утраченную ими в ходе войны и переселения собственность.

Интересно, что губернатор Квебека Ф. Хэлдименд имел совсем иную точку зрения на проблему. Он считал, что в неблагоустроенной Канаде, которая напоминала скорее военный форт или торговую факторию для добычи пушнины, переселенцев ждали огромные трудности в налаживании мирной жизни. А соседство по разные стороны границы взаимно враждебных лоялистов и патриотов грозило в будущем новым обострением отношений между Великобританией и США⁸. Прежде губернатор надеялся, что метрополия примет лоялистов на свою территорию, но результаты переговоров в Париже заставили его в срочном порядке придумывать новое решение.

План расселения мигрантов в Квебеке был разработан Ф. Хэлдимендом с военной строгостью. Лоялистам для освоения предоставлялся широкий выбор территорий: побережье залива Шалер, полуостров Гаспе, район рек Ниагара и Детройт, а также верхнее течение реки св. Лаврентия. Основной замысел губернатора заключался в том, чтобы поселить их как можно дальше от франкоканадских сеньорий и занятых американцами земель по другую сторону границы⁹. По этой же причине для мигрантов были закрыты восточные округа провинции, а те переселенцы, которые на свой страх и риск пытались остановиться неподалеку от штата Нью-Йорк, выдворялись солдатами в глубь Квебека¹⁰.

Другим принципом стала компактность расселения лоялистов. Хотя земельные участки офицерам, солдатам и гражданским лицам и раздавались бесплатно, их границы определялись не произвольно, а вписывались в планы новых тауншипов, расположение которых определялось лично губернатором. В центре каждого тауншипа имелся свой административный центр – таун – для связи с Квебеком. Новые тауншипы предназначались исключительно для освоения лоялистами и не имели на своей территории франкоканадских поселений¹¹. Большинство из них первое время оставалось даже без названий и обозначалось лишь порядковыми номерами на карте, что прекрасно иллюстрировало общую поспешность принимаемых мер.

Замысел губернатора, без сомнения, преследовал цель создания как можно более крупных, а следовательно, жизнеспособных поселений и предотвращения возможных конфликтов на этнической и конфессиональной почве. Однако в долгосрочной перспективе это означало локализацию мигрантов в пределах отведенных территорий и максимально ограничивало их взаимодействие с коренным населением Квебека. Переселившиеся в Канаду лоялисты оказались замкнутым сообществом, полностью сохранили привычные формы социальной организации и оставались, по меткому выражению современника, “все теми же американцами, что и были”¹².

Появление крупных англоязычных общин соответствовало планам ряда представителей британских правительственных кругов, которые увидели в лоялистах не просто беженцев, а инструмент для решения этнических и религиозных проблем в Квебеке. Из-за поражения в войне давние планы заселения Канады англоязычными протестантами и ассимиляции франкоканадцев, хотя бы в отдаленном будущем, снова, как казалась, стали осуществимыми.

Ситуация в Канаде приобретала особое значение еще и потому, что малоизвестная прежде колония теперь оставалась единственным надежным форпостом Великобритании в Северной Америке и, главное, на подступах к островам Вест-Индии. Это многократно увеличивало ее значимость в системе военных и транспортных коммуникаций империи. В обстановке, когда перспективы дальнейших отношений с недавно

⁸ *Kingsford W.* Op. cit., p. 195.

⁹ Несмотря на то, что расселение лоялистов в Квебеке происходило в основном вдоль южной части колонии, от ближайших американских поселений по другую сторону государственной границы их отделяли сотни километров неосвоенных, покрытых густым лесом территорий.

¹⁰ *Wallace W.S.* Op. cit., p. 42.

¹¹ *Ibid.*, p. 43–44.

¹² *The United Empire Loyalists. Men and Myths*, p. 85.

появившейся американской республикой оставались крайне неопределенными (причем доминировало мнение о сохранении их враждебного характера даже в мирное время), контроль над Квебеком приобретал стратегическое значение.

С другой стороны, Канада с ее богатыми пушными промыслами и лесозаготовками могла частично заменить потерянные владения на континенте. Ее терявшаяся в дебрях густых лесов западная граница и разветвленная речная сеть привлекали покинувших соседние штаты британских коммерсантов. И, наконец, с идейно-политической точки зрения, Канаде отводилась роль “витрины” Британской империи. Расположенная рядом с государством, где взяли верх мятежники, она всем своим существованием должна была доказывать превосходство британских общественных институтов и образа жизни над американскими.

Спустя всего лишь два десятилетия после завоевания Квебек стал главной крепостью Британской империи в Северной Америке. В правильности нового взгляда на колонию не сомневался ни министр по делам колоний лорд Джермейн, ни многие представители британских правящих кругов. «Обладание Квебеком и Новой Шотландией важно для Великобритании – до тех пор, пока она сохраняет владения на островах Вест-Индии, – говорилось в правительственном меморандуме Георгу III. – Эти провинции будут служить для островов источником древесины, рыбы и домашнего скота. Владение провинциями необходимо Великобритании и как морской державе: без них она не сможет создать морскую базу для обеспечения господства и защиты судов в американских морях... Преимущества и сила, которые дает обладание этими колониями, будут сдерживать “13 племен, ушедших из Израиля”, и они окажутся заинтересованы в союзе с Великобританией». Всего этого, по мнению автора меморандума, предполагалось достичь только при помощи лоялистов, которым предстояло стать для колонии “главным средством обороны и источником силы”¹³. Их преданность метрополии проверена в ходе недавней войны, а будущее напрямую связано с Канадой. В том же духе высказывался в 1783 г. и бывший помощник государственного секретаря по делам Америки У. Нокс, призывавший создать для лоялистов самые благоприятные условия поселения и установить привилегии для протестантской церкви¹⁴.

Британское правительство не жалело ни сил, ни ресурсов для поддержки мигрантов. Не ограничившись щедрыми земельными пожалованиями¹⁵, метрополия пошла навстречу просьбам переселенцев о создании для них на землях колонии Новая Шотландия отдельной провинции – Нью-Брансуика. Там американские тори воссоздали привычное законодательство и политические институты: учредили выборные ассамблеи и городские собрания. Великобритания столь активно снабжала лоялистов продовольствием и товарами первой необходимости, что общая стоимость содержания колонии резко выросла до беспрецедентной суммы порядка 100 тыс. ф.ст. в год, не считая затрат на содержание армии¹⁶.

В этой ситуации в апреле 1785 г. произошло событие, серьезно повлиявшее на дальнейшую историю Канады. Девять отставных офицеров-лоялистов, получивших крупные земельные пожалования в верхнем течении реки св. Лаврентия, решили выступить с петицией королю. Их не устраивало, что даже на окраине колонии, на большом расстоянии от населенных франкоканадцами Квебека и Монреаля мигранты вынуждены жить под верховенством французских законов и, что было для них особенно неприемлемо, владеть земельными участками на правах феодального держания¹⁷. Они просили

¹³ Цит. по: *Тишков В.А.* Освободительное движение в колониальной Канаде. М., 1978, с. 77.

¹⁴ Там же, с. 78.

¹⁵ Гражданские лица получали по 100 акров (около 40 га) на главу семьи и по 50 акров на каждого домочадца, военные в ранге рядовых получали 200 акров, младшие офицеры – 500 акров, капитаны – 700 акров и старшие офицерские чины – 1000 акров (около 400 га).

¹⁶ *The Oxford History of the British Empire*, v. II. Oxford, 1998, p. 383–385.

¹⁷ Даже после завоевания в Квебеке продолжали действовать французские законы – таким образом британская колониальная администрация пыталась заручиться поддержкой местного населения.

на основе опыта создания провинции Нью-Брансуик выделить их поселения в отдельную административную единицу с собственным лейтенант-губернатором и привычным английским законодательством, предусматривавшим право частной собственности¹⁸. На руку им было то обстоятельство, что земли лоялистов располагались компактно на удаленных от Квебека и Монреаля территориях и на них, за редким исключением, отсутствовали франкоканадские поселения, а значит, как и в случае с Нью-Брансуиком, обретение ими самостоятельности не задевало бы чьих-либо еще интересов.

Петиция сильно встревожила министра внутренних дел Великобритании лорда Сиднея. Он опасался, что недовольство отставных офицеров в условиях недавно проигранной войны может дать повод для критики правительства и обвинения его в бездействии. Желая сыграть на опережение, Сидней поддержал идею разделения провинции Квебек на французскую и лоялистскую. В задачу нового губернатора Г. Карлтона теперь входило “наметить такие границы и способ разделения, которые оказались бы оптимальными”¹⁹.

Не менее важной была и экономическая сторона проблемы. Квебек по-прежнему обходился Великобритании в 100 тыс. ф.ст. в год, не считая военных расходов. Это казалось Сиднею слишком большой суммой для колонии, чьи достоинства пока ограничивались “сомнительными престижными соображениями да туманными перспективами”²⁰. Министр собирался переложить упомянутые траты Квебека на население провинции. Это могло стать “платой” за удовлетворение их прошений.

Не только Сидней, но британские правительственные круги в целом очень серьезно отнеслись к требованиям колонистов. “Я считаю, что будет правильным провести назревшие реформы сейчас, когда мы можем представить их публике в форме щедрого дара и держать под полным контролем суть и воплощение оных, нежели ждать, когда суровая необходимость принудит нас сделать всё то же самое, но мы не сможем ни повлиять на ход событий, ни поставить происходящее себе в заслугу”, – писал государственный секретарь У. Гренвилл губернатору Г. Карлтону²¹. Очевидно, что воспоминания о недавней войне были еще свежи в Лондоне, и в правительственных кругах стремились избежать прошлых ошибок.

Как ни странно, но никто не обратил внимания на очевидные противоречия такого плана реформ. Во-первых, в случае проведения границы между юго-западной “английской” и северо-восточной “французской” частью Канады нарушались давно сложившиеся связи между районами добычи пушнины на западе и портовыми городами Квебек и Монреаль на востоке. Причем занятое трансатлантической торговлей англоязычное купечество было вынуждено остаться в прибрежной “французской” части Канады. Во-вторых, идея разделения провинции не прошла общественного обсуждения и пока не поддерживалась никем, кроме недавно прибывших лоялистов. Вряд ли она была действительно “назревшей реформой”, как выразился Гренвилл.

Уже осенью 1789 г. в Лондоне подготовили проект реформы колониальной администрации, который предусматривал разделение Квебека на два округа. Во главе каждого ставились лейтенант-губернаторы, подчинявшиеся генерал-губернатору и делившие полномочия с законодательными советами и выборными легислатурами²². Введение непривычной для католиков ассамблей вызвало многочисленные протесты во “французской” части провинции, но Гренвилл руководствовался исключительно экономиче-

¹⁸ Petition of Sir John Johnson and Loyalists. – Documents Relating to the Constitutional History of Canada, v. 2. Ottawa, 1918, p. 774–775.

¹⁹ Sydney to Dorchester, Whitehall 3^d September 1788. – Documents Relating to the Constitutional History of Canada, p. 955, 957.

²⁰ Ward J.M. Colonial Self-Government. The British Experience 1759–1856. Buffalo, 1976, p. 15.

²¹ Grenville to Dorchester, Whitehall 20th October 1789. – Documents Relating to the Constitutional History of Canada, p. 969.

²² Grenville to Dorchester, Whitehall 20th October (2nd letter) 1789. – Documents Relating to the Constitutional History of Canada, p. 989.

скими соображениями. С точки зрения эффективности сбора налогов, наполнения и расходования колониального бюджета ассамблеи позволяли снять с метрополии бремя содержания заатлантической провинции, и уже в силу того вопрос об ее учреждении мог считаться решенным²³.

Переходя к политическим вопросам, государственный секретарь особо подчеркнул, что законодательный совет получит больше влияния и полномочий, чем было в “старых колониальных правительствах”. Теперь в его состав требовалось отбирать самых выдающихся и заслуженных подданных из высших слоев колониального общества, отличавшихся особой лояльностью к королю и местной администрации²⁴. В рассуждениях Гренвилла вновь чувствовалось стремление не допустить повторения печальной истории с 13 мятежными колониями.

В октябре 1789 г. соответствующий билль был представлен на рассмотрение Палаты общин. Его обсуждение продвигалось медленно: депутаты не спешили заниматься делами далекой колонии, а правительство неоднократно согласовывало детали и поправки с губернатором Карлтоном. И поскольку парламентарии больше состязались друг с другом в красноречии, нежели спорили с министрами по существу предлагаемых мер, они растянули рассмотрение законопроекта на две парламентские сессии – третье чтение состоялось только весной 1791 г.²⁵ Интересно, что за прошедшее время из Канады не поступило ни одной петиции или письма в поддержку билля или против него, а посланники заинтересованных сторон не присутствовали на заседаниях Палаты общин.

В итоге 11 мая 1791 г. билль был принят Палатой общин в третьем чтении, а 26 декабря 1791 г. новый конституционный акт провинции Квебек вступил в законную силу. Несмотря на то, что в названии закона говорилось лишь о “некоторых изменениях”, вносимых в Квебекский акт 1774 г., политическое устройство колонии стало кардинально иным. Прежде всего провинция делилась теперь на две части – Верхнюю и Нижнюю Канаду – в каждой из которых назначался собственный лейтенант-губернатор – глава законодательной и исполнительной власти²⁶. Аналогичные с ним функции имел генерал-губернатор, но его власть распространялась на все британские колонии в Северной Америке и имела больший вес. Судя по всему, дублирование полномочий стало попыткой централизовать политическую систему колоний и добиться над ней более эффективного контроля.

Законодательная власть в каждой провинции осуществлялась законодательными советами и ассамблеями. Первые из них собирались губернаторами лично и должны были состоять не менее чем из 7 назначавшихся пожизненно “компетентных и доверенных лиц” для Верхней Канады и 15 – для Нижней²⁷. Единственным ограничением свободы выбора губернаторов являлось условие постоянного проживания советников в колонии. Фактически законодательный совет, раньше исполнявший функции правительства и секретариата, теперь становился своеобразной верхней палатой колониального парламента – аналогом британской Палаты лордов – и служил политическим противовесом избираемой ассамблее. Судя по всему, это был еще один урок, извлеченный британским правительством из недавней войны.

²³ Burt A.L. *The Old Province of Quebec*, v. 2. Toronto, 1968, p. 198.

²⁴ Grenville to Dorchester, Whitehall 20th October (2nd letter) 1789. – *Documents Relating to the Constitutional History of Canada*, p. 989.

²⁵ *The History and Proceedings of the Lords and Commons during the first Session of the seventeenth Parliament of Great Britain*. London, 1791, p. 438–479, 497–535.

²⁶ An Act to repeal certain Parts of an Act, passed in the fourteenth Year of his Majesty's Reign, intituled, An Act for making more effectual Provision for the Government of the Province of Quebec, in North America; and to make further Provision for the Government of the said Province. – *A Collection of the Acts Passed in the Parliament of Great Britain and Other Public Acts Relative to Canada*. Quebec, 1800, p. 28(308).

²⁷ *Ibid.*, p. 30(310).

Что же касается ассамблей, то вводившийся механизм их комплектования отличался большей демократичностью. К выборам депутатов – не менее 16 для Верхней Канады и 50 для Нижней – допускались все мужчины, владевшие участком земли в сельской местности на правах фригольда, фьефа или ротюры, либо получавшие доход от земельной собственности более 40 шиллингов в год, либо обладавшие недвижимостью в городе, стоимостью свыше 5 фунтов, либо платившие годичную аренду за такую недвижимость более 10 фунтов в год. Права голоса не имели лица моложе 21 года, не имевшие британского подданства, священники, государственные и уголовные преступники²⁸. Закон не делал различий в избирательных правах католиков и протестантов, что стало новшеством для британской правовой системы.

Все решения законодательных советов и ассамблей одобрялись от имени короля генерал-губернатором и направлялись для утверждения в Лондон. Глава колониальной администрации обладал правом абсолютного вето и мог остановить продвижение любого законопроекта. Он же возглавлял правительство – исполнительный совет – и назначал его членов²⁹. Само наличие двух советов при губернаторе было беспрецедентным. Ранее в американских колониях при королевском наместнике существовало не больше одного законодательного или тайного совета. Такое увеличение администрации стало еще одним инструментом усиления губернаторской власти через создание параллельных ассамблей структур³⁰.

Особое внимание в законе уделялось религиозному вопросу. Продолжая политику Квебекского акта 1774 г., и вопреки принятой в Британской империи практике, канадская католическая церковь снова получала полную свободу действий и сохраняла традиционные привилегии в виде права сбора десятины и других податей с прихожан³¹. Но и англиканская церковь значительно улучшила свои позиции. Закон гарантировал ей получение 1/7 от всех жалуемых в колонии земель, учреждение новых приходов за счет общественного земельного фонда, свободу от налогов и любого вмешательства светских властей в деятельность и даже дома для пасторов за государственный счет³². Это означало новое направление североамериканской религиозной политике Лондона, занявшегося утверждением государственной церкви.

И, наконец, разрешилась проблема статуса земельных владений. Вся недвижимость в Верхней и Нижней Канаде переводилась на права частной собственности, в том числе и феодальные держания франкоканадских сеньоров. Но это не вело к потере последними их особых титулов и привилегий, в том числе и касавшихся традиционных крестьянских повинностей³³. Британские законодатели создали странную ситуацию, когда канадские крестьяне, превратившиеся из вилланов в свободных арендаторов, продолжали отрабатывать барщину, нести баналитетные повинности и многое другое. Таким образом, были удовлетворены и англоязычные землевладельцы, давно привыкшие иметь дело только с частной собственностью, и канадские сеньоры, не желавшие терять привычные источники дохода.

Недавний кризис в отношениях метрополии и 13 североамериканских колоний нашел прямое отражение в новом конституционном акте. Стремясь не повторять прошлых ошибок, королевская власть гарантировала, что канадских колонистов не будут принуждать платить каких-либо особых налогов и пошлин, а весь доход от государственных сборов останется в казне тех провинций, в которых и был собран³⁴.

Ученые дали невысокую оценку Конституционному акту 1791 г. Большинство исследователей до сих пор видит в нем реакцию британского правительства на плачев-

²⁸ An Act to repeal certain Parts of an Act..., p. 38(318), 40(320).

²⁹ Ibid., p. 42(322), 56(336).

³⁰ Ward J.M. Op. cit., p. 17–18.

³¹ An Act to repeal certain Parts of an Act..., p. 46(326).

³² Ibid., p. 48(328).

³³ Ibid., p. 54(334).

³⁴ Ibid., p. 56(336).

ные итоги войны с 13 американскими колониями. Действия Лондона тракуются как копирование английской политико-правовой системы и усиление позиций колониальной администрации. В частности, А. Барт считал, что Конституционный акт 1791 г. не принес ничего нового, а лишь закрепил и без того сложившееся разделение провинции на лоялистскую и французскую часть. Самое радикальное изменение историк отметил во введении ассамблеи, что, как он полагал, просто нельзя было дальше откладывать³⁵. Еще категоричнее высказывался Дж. Уорд, который считал Конституционный акт попыткой превратить канадскую политическую систему в бледную тень английской, без учета североамериканской специфики³⁶. Положительная оценка реформ 1791 г. принадлежит Х. Нитбай, которая тоже отмечала нехватку оригинальности и продуманности в решениях правительства, но видела главное достижение в создании ассамблеи – “общеканадского форума, места для встреч и диалога”, что положило начало формированию национального самосознания³⁷.

Возвращаясь к проблеме влияния лоялистов на политическое развитие Канады, отметим, что оно было весьма опосредованным и далеко не однозначным. Неудачная война и прибытие мигрантов из США подтолкнули Великобританию к пересмотру североамериканской политики. Пытаясь угодить “верным подданным единой империи” и одновременно усилить контроль над колонией, Лондон создал запутанную политическую систему. С одной стороны, в Канаде развивалось традиционное для североамериканских колоний самоуправление, вводился институт частной собственности на землю, лоялисты получили привычное английское законодательство и ассамблею, а франкоканадцы обрели отдельную провинцию и могли не опасаться притеснений католической религии. Но полномочия губернатора и колониальной администрации настолько превосходили ассамблею, что оставалось неясным, сможет ли та вообще принимать независимые решения. Католическое духовенство и франкоязычные сеньоры сохранили феодальные привилегии, а крестьяне вряд ли могли надеяться на представительство их интересов в легислатуре. Торговые связи между западом и востоком Канады были нарушены, каждая из новообразованных колоний тяготела к самоизоляции и не имела необходимости развивать межэтнический диалог. Пытаясь предотвратить проблемы в колониях, метрополия не столько устраняла противоречия, сколько создавала новые. Их разрешение потребовало немало сил и средств уже в XIX в.

³⁵ Burt A.L. The Old Province of Quebec, p. 204–205.

³⁶ Ward J.M. Op. cit., p. 19–20.

³⁷ Neatby H. Quebec: the Revolutionary Age, 1760–1791. Toronto, 1966, p. 261.